Вишнякова Дарья Викторовна

МАТРИМОНИАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРО-ВОСТОКА РОССИИ В XIX - НАЧАЛЕ XX В.: ГЕНДЕРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

В работе анализируются гендерные характеристики брачного поведения населения Европейского Северо-Востока России в XIX - начале XX в., рассматриваются вопросы возрастных норм совершеннолетия, брачного возраста, тенденции в соотношениях возрастов женихов и невест, частоты повторных браков. Делаются выводы о том, что дисбаланс полов, а также изменения в социально-экономической сфере создавали предпосылки для повышения брачного возраста среди мужской части населения и ограничивали для женщин возможность выбора брачного партнера.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/6-1/14.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 6 (20): в 2-х ч. Ч. I. С. 62-66. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 314.148:314.5(470.1)“18/19”

В работе анализируются гендерные характеристики брачного поведения населения Европейского Северо-Востока России в XIX – начале XX в., рассматриваются вопросы возрастных норм совершеннолетия, брачного возраста, тенденции в соотношениях возрастов женихов и невест, частоты повторных браков. Делаются выводы о том, что дисбаланс полов, а также изменения в социально-экономической сфере создавали предпосылки для повышения брачного возраста среди мужской части населения и ограничивали для женщин возможность выбора брачного партнера.

Ключевые слова и фразы: историческая демография; Европейский Северо-Восток России; брачное поведение; половозрастные характеристики.

Дарья Викторовна Вишнякова, к.и.н.
Институт языка, литературы и истории
Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук
vishnyakova_dari@mail.ru

МАТРИМОНИАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРО-ВОСТОКА РОССИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX В.: ГЕНДЕРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ©

Среди различных факторов, влияющих на брачность населения, значительное место принадлежит ментально-психологическим и историко-культурным установкам народа, формирующим тип и формы матримониального поведения. Как сама система поведенческих стереотипов, так и регулируемые ею показатели брачного состояния населения: возраст вступления в брак, соотношение возрастов супругов, распространенность повторных браков и другие, имели в традиционном обществе определенные гендерные характеристики.

Исследование гендерной специфики брачности населения Европейского Северо-Востока России представляет в настоящее время актуальную проблему. Вопросы половозрастных аспектов брачного поведения рассматривались в основном в рамках этнографических исследований брачно-семейных отношений коми. Начиная с 50-х гг. XIX в. на страницах губернской печати стали появляться краткие заметки по данной тематике М. Михайлова, О. Ежова, В. Аврамова. Авторы коснулись вопросов возрастных норм совершеннолетия и различий в брачном возрасте парней и девушек [1; 7; 12]. В дальнейшем гендерная проблематика, связанная с изучением брачно-семейной области, была затронута в ряде работ по традиционной культуре коми такими исследователями как В. П. Налимов, В. А. Семенов, Д. А. Несанелис и другими, историографический обзор этих трудов приведен в статье В. Э. Шарапова [19].

Тем не менее, вопрос о взаимосвязи брачного поведения и системы психологических установок и социокультурных стереотипов не получил специального демографического изучения. В данной статье мы попытались с учетом гендерного фактора проанализировать взаимодействие демографических представлений и демографических процессов, протекавших в матримониальной сфере населения Европейского Северо-Востока России в XIX – начале XX в. Для получения необходимых сведений были привлечены фольклорные и этнографические материалы, документы церковной статистики (метрические книги XIX – начала XX в.) и административного учета населения. Исследуемая территория (Европейский Северо-Восток России) в изучаемый период частично входила в состав Архангельской, частично – в состав Вологодской губерний Российской империи. В работе рассмотрены сведения по Усть-Сысольскому и Яренскому уездам Вологодской губернии, второму стану Мезенского уезда и Печорскому уезду (с 1891 г.) Архангельской губернии. Эти земли располагались в непосредственной близости друг с другом и исторически были тесно связаны между собой. Основными этносами, представленными на территории края в обозначенный период, являлись коми (зыряне), русские и ненцы (самоеды). Зыряне проживали в Усть-Сысольском, Яренском и втором стане Мезенского (с 1891 г. – Печорского) уездах. Русские также проживали на территории этих уездов, но, как правило, в отдельных волостях. Ненцы проживали на территории тундр Ижемской и Пустозерской волостей и Усть-Цилемской волости Мезенского (с 1891 г. – Печорского уезда). Основной удельный вес в этнической структуре рассматриваемого региона принадлежал коми. По нашей оценке, в конце XIX в. на долю коми-зырян приходилось около 79%, на долю русского населения – приблизительно 18%, ненцев – около 2-3% от общей численности жителей трех исследуемых уездов.

На основании имеющихся метрических книг, а также документов Центрального и Губернских статистических комитетов исследованы такие аспекты как возраст вступления в первый брак женихов и невест, соотношение возрастов супругов и частоты повторных браков среди мужского и женского населения [2, д. 469, л. 1148, д. 470, л. 759, д. 476, л. 1176, д. 493, л. 815, д. 494, л. 1348; 3, д. 232, л. 342, д. 234, л. 640, д. 235, л. 1175, д. 242, л. 1160, д. 254, л. 744; 4, д. 211, л. 288, д. 212, л. 242, д. 213, л. 304, д 214, л. 160; 5, д. 68, л. 1022, д. 88, л. 870; 18].

© Вишнякова Д. В., 2012

Представления о наилучшем возрасте вступления в брак в течение длительного времени формировались под влиянием социально-экономических условий, традиционных норм и церковно-государственного права. Так называемый «идеальный» брачный возраст характеризовал одну из сторон социально-психологических установок в отношении брака. Следует отметить, что народные представления о возрастных нормах совершеннолетия и вступления в брак были достаточно устойчивы на всем протяжении изучаемого периода. Считалось, что девичья зрелость достигалась в 15-16 лет, важным показателем ее наступления являлось вхождение в группу совершеннолетних и участие вместе с ними в молодежных посиделках. Этнографами отмечалось, что круг участников молодежных посиделок ограничивался, как правило, незамужними девушками и холостыми юношами в возрасте от 15-16 лет до 20-22 лет [13, с. 36]. Наступление совершеннолетия являлось также и нижней границей брачного возраста. В ряде коми народных песен есть упоминания о возрастных периодах: «Молодая жизнь, молодая радость / Молодой поры провождение / Ожидание своей пятнадцатилетней поры / Встреча своей двадцатилетней поры / Тридцать лет – половина жизни» [10, с. 10]. В данном случае пятнадцатилетняя пора – время наступления совершеннолетия, двадцатилетняя пора – время замужества. Однако брачная норма возраста вступления в первый брак была гораздо более продолжительной. Ряд исследователей отмечает, что среди финно-язычных народов Европейской России родители всячески оттягивали уход из дома своей дочери-работницы, поэтому очень часто девушек в 25-27 лет отдавали замуж за юношей лет на 10 и больше моложе их [8, с. 119]. Тем не менее, обычаи таких браков у коми были не столь сильно распространены.

Для юношей совершеннолетие определялось в 17-18 лет, эти же годы являлись для парня и началом брачного возраста. Народные представления о лучшем возрасте для женитьбы были достаточно противоречивы. С одной стороны, поддерживалось раннее вступление в брак, у коми по этому поводу бытовали такие пословицы: «кто долго выбирает, тот в дураках остается», «перемужалого парня следует остерегаться». Выгодность ранней женитьбы в народном мнении определялась соображениями практического характера: получить новую работницу в семью до ухода сына на военную службу, избежать неугодного брака, внебрачных детей. С другой стороны, существовало и противоположное мнение: «рано женишься – покаешься, со злой женой намаешься» [16].

Имеющиеся данные метрических книг позволяют выделить младший, средний и старший брачный возрасты вступления в первый брак: младший брачный возраст – до 20 лет, средний – от 20 до 26, старший – от 26 до 31 года. Для проведения необходимых расчетов по распределению брачующихся по возрастам нами было взято за 100% общее число вступивших в первый брак в определенном уезде в том или ином году, и рассчитана доля вступивших в брак в каждой возрастной группе соответственно полу.

Средние показатели возраста вступления в первый брак в целом по всему региону за XIX в. и начало XX в. представлены в Диаграммах 1 и 2.

Диаграмма 1

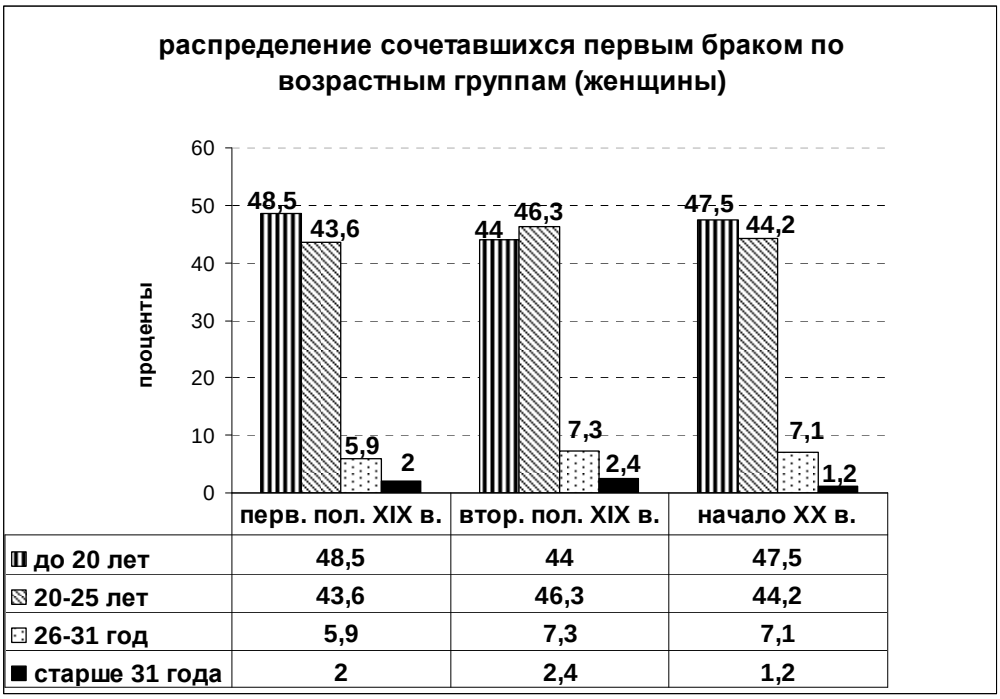
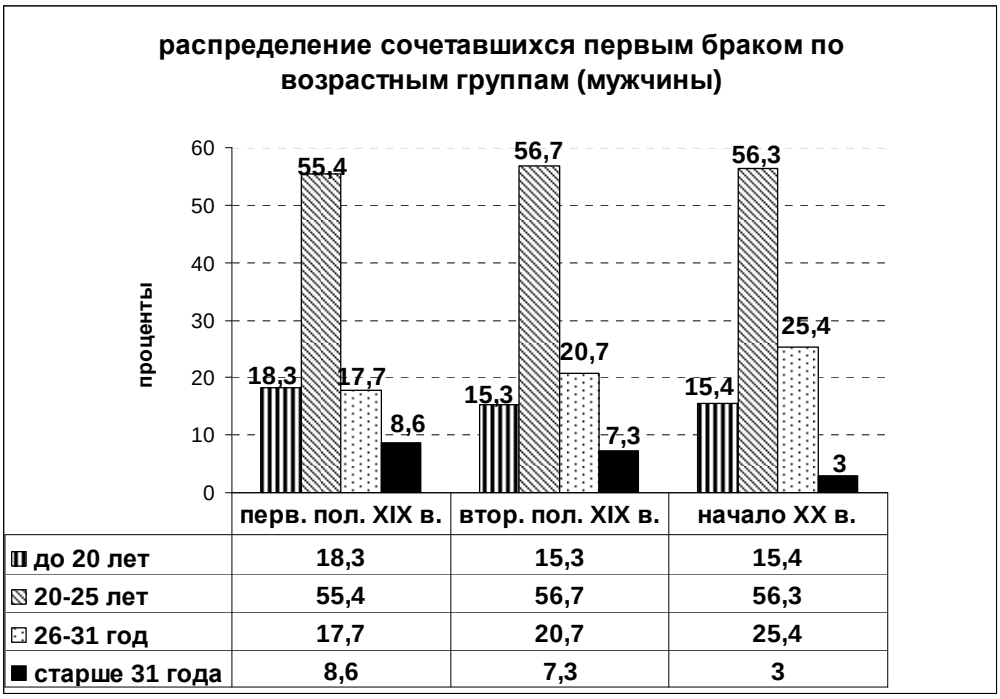


Диаграмма 2



Материалы используемых источников показали значительную половую дифференциацию первых браков по возрасту вступления в них. Для незамужних девушек активными для вступления в брак представлялись младший и средний брачный возраст. Браки в этих возрастах составляли около 80%, к 25-26 годам практически не оставалось не вступивших в брак женщин, вследствие чего доля браков в старших возрастах резко сокращалась. Среди юношей наиболее активным брачным возрастом был период от 20 до 26 лет. Согласно представленным данным, явных изменений за столетний период показатели возраста вступления в первый брак среди женского населения не претерпели. Тенденция сокращения ранних браков (до 20 лет) и увеличения доли браков в более старших возрастах в основном затронула мужскую часть населения изучаемой территории.

Весомая разница между мужчинами и женщинами в дифференциации доли браков по возрасту вступления в них приводила к довольно растяжимой возрастной разнице между супругами. В первой половине XIX в. соотношение возрастов между супругами выглядело следующим образом: около 60-65% приходилось на долю тех семейных пар, где муж был старше жены, около 20% – на долю пар, где жена была старше мужа, и 15-20% приходилось на долю ровесников. Со второй половины XIX в. возрастные градации в брачных парах претерпевают изменения: доля супружеских пар, где старшим по возрасту был мужчина, выросла до 70-75%, доля пар, где старше была женщина, сократилась до 15-19%, уменьшилась и доля супругов, являвшихся ровесниками, примерно до 5-10%. Как показывают имеющиеся данные, наиболее были распространены брачные союзы, в которых муж являлся старшим по возрасту. По сведениям Б. Н. Миронова, идеальная, с точки зрения крестьян, разница между возрастом жениха и невесты составляла два-три года. Подобная психологическая установка определялась высокой смертностью мужчин и страхом женщины остаться вдовой с малолетними детьми [11, с. 164]. Наличие данных обстоятельств было характерным и для изучаемой территории. В соответствии с этим, схожие стереотипные представления об «идеальной» возрастной разнице между женихом и невестой были распространены и среди коми крестьян: «Коль моложе меня, то будешь сестрицей, / Если старше, будешь матерью, / А ровесница, - мне будешь женой!» [10, с. 27]. Однако материалы используемых источников свидетельствуют о более растяжимой возрастной разнице между супругами: большинство брачных союзов, когда жених был старше невесты, заключалось с разницей в возрасте от одного года до семи лет. В тех случаях, когда женщина была старше, разница в возрасте между супругами, как правило, составляла один-два года. Более значительная разница в возрасте между супругами была в основном характерна для повторных браков вдовцов, стремившихся заключить новый брак с молодыми ранее незамужними девицами. Подобные возрастные различия могли достигать 15, 20 и даже 25-26 лет. Тем не менее, данная практика не являлась общепринятой и распространенной, и совсем единичными были прецеденты, когда невеста превосходила по возрасту жениха на 15-20 лет. Таким образом, несмотря на то, что «идеальной», с точки зрения общественного сознания, была минимальная возрастная разница между супругами, жених и невеста, вступая в брак, руководствовались не столько сложившимися традиционными представлениями, сколько конкретными обстоятельствами и условиями крестьянской жизни.

Учитывая значительный уровень смертности населения, вероятность прекращения брака по причине смерти одного из супругов была достаточно велика. По существовавшему законодательству были разрешены

вторые и третьи браки, четвертые браки православных были запрещены. Вероятно, в крестьянской среде не существовало особых предубеждений относительно повторных браков, так как это было явлением повседневным. Отсутствие же необходимых рабочих рук в семье неизбежно вело к упадку хозяйства. Повторный брак в среде коми крестьянства мог представляться даже более удачным: «первая жена – глиняная чаша, вторая – фарфоровая, третья – шлифованная» [16]. Сравните с русской поговоркой: «первая жена от Бога, вторая от человека, третья от черта», в которой прослеживается порицание подобных браков [6].

Большую часть среди вдовых составляли женщины. Так, по материалам Переписи 1897 г., в Печорском уезде среди вдовых мужчины составляли 20%, женщины – 80%, в Усть-Сысольком уезде – 24,8% и 75,2% соответственно, в Яренском – 21,7% и 78,3%. В уездных городах Усть-Сысольске и Яренске на мужчин приходилось 15,6% и 11,8% соответственно от общей численности вдовых, на женщин 84,4% и 88,2% [14, с. 14-15; 15, с. 110-111]. Данное положение было связано в большей степени с тем обстоятельством, что повторные браки заключались преимущественно мужчинами. Вторично женившись, мужчины выбирали, как правило, себе в жены молодых, ранее незамужних женщин, тогда как повторные замужества вдов были малочисленными. Устойчивые традиции браков между вдовыми отсутствовали. Возможность вторичного замужества вдовы получали либо рано потеряв супруга, либо не имея большого числа детей. Подобная ситуация была характерна для всех рассматриваемых уездов, и в силу этого разница в распределении вторых браков по полу по уездам края была невелика. В целом же, приблизительно только одна треть повторных браков приходилась на женщин и две трети на мужчин.

Особое место среди факторов, оказывавших влияние на брачность, принадлежало половозрастной структуре населения. Обратившись к материалам исповедных ведомостей за 1804, 1865, 1914 гг., мы установили численное преобладание женщин в возрастных группах от 20 до 30 лет [2, д. 400, л. 718, д. 459, л. 1311, д. 461, л. 53]. Материалы переписи 1897 г. также позволили сделать определенные выводы о соотношении численности женщин и мужчин, находившихся в среднем и старшем брачных возрастах. Для коми в сравнении с другими восточно-финскими народами был характерен значительный дисбаланс полов в возрастных группах 17-19 и 20-39 лет. По подсчетам Сеппо Лаллуки, у коми на 100 женщин в возрасте от 20 до 30 лет приходилось 72 мужчины той же возрастной категории, на 100 женщин в возрасте от 30 до 40 лет мужчин приходилось 78 [9, с. 117]. Существовавшая численная диспропорция полов оказывала влияние не только на брачность населения, но также и на некоторые традиции проведения брачных обрядов. Для народов Европейского Севера при заключении браков было характерно сопровождение этого процесса обменом материальными ценностями между семьями жениха и невесты. Формы и размеры подобных обменов имели свои локальные варианты. В данной работе нами были использованы этнографические данные, опубликованные Ф. П. Плесовским [17, с. 20-24]. Половозрастная структура населения различных территорий Европейского Северо-Востока России довольно широко варьировалась. В тех районах, где, по данным переписи 1897 г., нам удалось выявить значительный дефицит мужского населения в среднем и старшем брачных возрастах, были распространены символические выкупы за невесту и довольно большой размер девичьего приданого, к таковым относились, прежде всего, районы по р. Сысоле и Лузе. В некоторых из этих селений численность женского населения в возрасте 20-39 лет превышала мужскую почти в два раза, одновременно с этим мужчины данной возрастной группы составляли 15-16% от численности всего мужского населения. В с. Усть-Цильма, селениях по Удоре превалирование женского населения в возрастной группе 20-39 лет было не столь значительным, а мужчины этого возраста составляли в среднем 24-25% от численности всех мужчин. В этих районах за невесту платили калым в «чистом виде», а приданое невесты, за исключением ее личных вещей, могло и вовсе отсутствовать.

Колебания в соотношении полов в разные периоды времени в различных областях оказывали влияние и на брачное поведение, и на численность заключаемых браков. Общий коэффициент брачности (количество браков на тысячу жителей) в среднем по Европейскому Северо-Востоку России в первой половине XIX в. равнялся 10-11‰, во второй половине XIX в. он составлял от 8 до 10‰, а в начале XX в. – от 6,5 до 8‰. На общий уровень брачности населения влиял ряд факторов, однако в целом динамика числа браков в значительной степени зависела от динамики численности бракоспособного контингента.

Создающаяся по ряду причин диспропорция полов, довольно выраженный дефицит мужского населения в основных брачных возрастах, а также ряд изменений в социально-экономической сфере, таких как введение всеобщей воинской повинности, развитие отхожих промыслов, интенсификация семейных разделов, замедлявших темпы вступления каждого поколения в брак, обуславливали откладывание брачных союзов и создавали, с одной стороны, предпосылки для повышения брачного возраста среди мужской части населения, а с другой, ограничивали для женщин возможность выбора брачного партнера. В свою очередь ограниченность брачного круга внутри своей собственной этнической группы являлась важным фактором, влиявшим на развитие этнодемографических процессов населения Европейского Северо-Востока России.

Список литературы

1. **Аврамов В.** Жители Яренского уезда и их хозяйственный быт // Вологодские губернские ведомости (ВГВ). 1859. № 37, 42.
2. **Государственное учреждение Республики Коми Национальный архив Республики Коми** (ГУРК НАРК). Ф. 230. Оп. 1.
3. **ГУРК НАРК.** Ф. 231. Оп. 1.
4. **ГУРК НАРК.** Ф. 254. Оп.1.
5. **Государственный архив Архангельской области** (ГААО). Ф. 29. Оп. 26.
6. **Даль В. И.** Пословицы русского народа. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000. 616 с.

7. **Ежов О.** Личность и отличительные качества зырян // Вятские губернские ведомости. 1857. № 22, 23.
8. **Козлов В. И.** Динамика численности народов. М.: Наука, 1969. 470 с.
9. **Лаллукка С.** Восточно-финские народы России: анализ этнодемографических процессов. СПб.: Европейский Дом, 1997. 391 с.
10. **Микушев А. К., Чисталев П. И.** Коми народные песни. Изд-е 2-е. Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1995. Т. II. Ижма и Печора. 192 с.
11. **Миронов Б. Н.** Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): в 2-х т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 1. 549 с.
12. **Михайлов М. И.** Физические и нравственные свойства зырян // ВГВ. 1853. № 17.
13. **Несанелис Д. А.** Раскачаем мы ходкую качель: традиционные формы досуга сельского населения Коми края во второй половине XIX – первой трети XX в. Сыктывкар: Центр народного творчества Республики Коми, 1994. 167 с.
14. **Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Архангельская губерния.** СПб.: ЦСК МВД, 1904. Тетр. 3.
15. **Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Вологодская губерния.** СПб.: ЦСК МВД, 1904. Тетр. 2.
16. **Плесовский Ф. П.** Коми пословицы и поговорки. Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1973. 215 с.
17. **Плесовский Ф. П.** Свадьба народа коми. Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1968. 320 с.
18. **Статистика Российской империи: движение населения в Европейской России за [1886-1910] год.** СПб.: ЦСК МВД, 1890-1916. Т. 12, 24, 38, 45, 50, 58, 66, 74, 87, 93.
19. **Шарапов В. Э.** “Призрак гендера” в исследованиях по этнографии и фольклору коми: обзор публикаций // Гендерная теория и историческое знание: материалы международной научно-практической конференции. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2003. С. 159-162.

MATRIMONIAL BEHAVIOUR OF RUSSIA EUROPEAN NORTH-EAST POPULATION IN THE XIXTH – THE BEGINNING OF THE XXTH CENTURY: GENDER CHARACTERISTICS

Dar'ya Viktorovna Vishnyakova, Ph. D. in History
Institute of Language, Literature and History
Komi Scientific Centre of Ural Department of Russian Academy of Sciences
vishnyakova_dari@mail.ru

The author analyzes the gender characteristics of the mating behaviour of Russia European North-East population in the XIXth – the beginning of the XXth century, considers the age norms of legal adulthood, marriage age, the tendencies in the ratio of brides and grooms age, the frequency of remarriage; and comes to the conclusion that the imbalance of sexes, as well as changes in social-economic sphere create the preconditions for marriage age increase among male population and restrict women’s choice of a marriage partner.

Key words and phrases: historical demography; Russia European North-East; mating behaviour; sex-age characteristics.

УДК 94(470.6)

В статье исследуется военно-политическая обстановка на Восточном Кавказе в XIII-XIV вв., в период конфронтации между Золотой Ордой и державой Хулагуидов-ильханов. Подробно освещаются военные действия между этими государствами за богатые земли Западного Прикаспия, через которые пролегал транзитный торговый путь международного значения. Анализ источников позволяет утверждать, что основная борьба разворачивалась вокруг Дербента, являвшегося своего рода «воротами» из Азии в Европу и потому представлявшего важное экономическое и стратегическое значение.

Ключевые слова и фразы: Золотая Орда; держава Хулагуидов-ильханов; Дербент; Восточный Кавказ; борьба за сферы влияния; военные походы.

Мурад Тагирович Гаджимурадов, к.и.н.
Кафедра гуманитарных дисциплин
Дагестанский государственный институт народного хозяйства
murad-docent@mail.ru

ВОСТОЧНЫЙ КАВКАЗ В СФЕРЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ И ДЕРЖАВЫ ХУЛАГУИДОВ©

В XIII в. на Евразийском континенте произошли «тектонические изменения» в политической жизни многих стран и народов, по сути, перекроившие карту мира. Катализатором этих процессов стали обширные монгольские завоевания и образование вслед за тем империи Чингисхана, вскоре распавшейся на самостоятельные улусы-государства: империя Юань, Улус Джучи (Золотая Орда), государство Хулагуидов и Чагатайский улус.

© Гаджимурадов М. Т., 2012